

Гленн Александр Мэйги

Гегель и герметическая традиция

Американский исследователь Г.А. Мэйги является одним из интереснейших представителей современной американской истории философии. Сам профессор Мэйги говорит о себе следующее: «Если в моих исследованиях и можно выделить какую-то центральную тему, то эта тема – отношение западной философии к “иррациональному”. Мистицизм претендует на то, чтобы передавать истину в не-дискурсивной форме и потому отвергает главную идею философии, согласно которой вся истина должна обосновываться с помощью разума. Тем не менее, мои исследования показывают, что философы на протяжении истории испытывали сильнейшее влияние со стороны мистицизма и что в их работах есть такие моменты, в которых граница между философией и мистикой – а также поэзией и мифологией – оказывается размытой».¹

«Гегель и герметическая традиция» – первая опубликованная книга Г.А. Мэйги, на сегодняшний день хорошо известная в Европе и США, но до сих пор практически недоступная в России. Основная идея книги состоит в том, чтобы связать творчество Гегеля с идеями герметизма, восходящими к *Corpus Hermeticum*. Чрезвычайно важное значение в рамках данного исследования имеет анализ ключевых положений герметической философии, изложенных в третьей части публикуемого «Введения».

Приятно отметить, что сам профессор Мэйги весьма положительно отнёсся к переводу данного текста на русский язык и оказал неоценимую помощь в налаживании контактов с издательством. В будущем мы надеемся продолжить сотрудничество и познакомить читателя с другими ключевыми работами этого автора. Данный перевод является частью масштабного проекта, направленного на знакомство наших читателей с англо-американской традицией исследования западного эзотеризма.

С.А. Панин

1. Гегель как герметический мыслитель²

Гегель – не философ. Он не был человеком, любящим или ищущим мудрость – он был уверен, что уже нашёл её. Гегель написал в предисловии к «Феноменологии духа»: «Помочь приблизить философию к форме Науки, к точке, в которой она сможет отбросить в сторону титул «любви к знанию» и стать реальным знанием – вот какую цель я поставил перед собой». К концу своей «Феноменологии» Гегель намеревался достичь Абсолютного Знания, которое он отождествлял с мудростью.

Гегелевская претензия на достижение мудрости полностью противоположна изначальной греческой концепции философии как любви к мудрости, что подразумевает скорее бесконечное стремление, чем конечное обладание мудростью. Однако его позиция вполне

¹ Личная страница Г.А. Мэйги на сайте Университета Лонг Айленда. Получить более подробную информацию вы можете здесь: <http://www.liu.edu/CWPost/Academics/Faculty/M/Glenn-Alexander-Magee>

² «Введение», разделы 1-3 (стр. 1-14) из книги Г. А. Мэйги «Гегель и герметическая традиция». © 2001 by Cornell University. Переведено и размещено в Интернете с любезного разрешения издателя, Cornell University Press [<http://www.cornellpress.cornell.edu>]. Данный перевод предназначен исключительно для образовательных, некоммерческих целей. При использовании данного материала ссылки на источник обязательны.

соответствует амбициям герметической традиции, течения мысли, получившего своё наименование он так называемой Герметики (или *Corpus Hermeticum*), сборника греческих и латинских трактатов и диалогов, написанных в I или II веках н.э. и, по-видимому, содержащих значительно более древние идеи. Легендарный автор этих работ – Гермес Трисмегист (Трижды Величайший Гермес). Слово «герметизм» обозначает обширную традицию мысли, которая выросла из «писаний Гермеса» и постепенно расширялась благодаря взаимодействию с многочисленными иными традициями. Так, в частности, алхимия, Каббала, учение Луллия, мистицизм Экхарта и Кузанского – здесь приводятся лишь некоторые имена в качестве примера – оказались тесно сплетёнными с герметическим учением. (На самом деле, некоторые авторы использовали слово «герметизм» как синоним алхимии.) Герметизм также иногда назывался теософией или эзотеризмом, менее точно его иногда характеризовали как мистицизм или оккультизм.

Главный тезис данной книги состоит в том, что Гегель был герметическим мыслителем. Я покажу, что существуют однозначные соответствия между гегелевской философией и герметической теософией, и что эти совпадения не являются случайными. Гегель активно интересовался герметизмом, он находился под его влиянием с раннего возраста и мыслил себя в единстве с герметическим движением и его представителями на протяжении всей своей жизни. Я не просто утверждаю, что мы *можем* воспринимать Гегеля как герметического мыслителя, точно так же, как мы можем его назвать немецким мыслителем или мыслителем-идеалистом. На самом деле, я утверждаю, что мы *должны* понять, что Гегель был философом герметического направления, если мы вообще хотим хоть в какой-то мере понять его философию.

Жизнь Гегеля и его работы предоставляют множество подтверждений этому тезису.

В опубликованных и неопубликованных работах Гегеля есть множество отсылок к ключевым фигурам и течениям герметической традиции. Большая часть этих отсылок носит доброжелательный характер. Это, в частности, относится к таким фигурам, как Экхарт, Бруно, Парацельс и Бёме. Бёме – наиболее показательный случай. Гегель уделяет ему очень много внимания в «Лекциях по истории философии», фактически, больше места, чем он оставляет для многих значительных мыслителей философской традиции.

Кроме того, в трудах Гегеля присутствуют многочисленные герметические элементы. Это включает масонский подтекст «инициатического мистицизма» в «Феноменологии духа»; связанный с учением Бёме подтекст в знаменитом введении к «Фенемологии»; каббалистически-бёмеанско-луллианское влияние на «Логикку»; алхимически-парацельсианские элементы в «Философии природы»; влияние каббалистического и иоакимитского миллинаризма на гегелевскую идею Объективного Духа и его концепцию мировой истории; алхимические и розенкрейцеровские образы в «Философии права»; влияние герметической концепции *пансофии* на его систему в целом; присутствие герметической идеи *philosophia perennis*; и использование герметических символов (Таких как треугольник, круг и квадрат) как основ для структуры своей философской системы.

Библиотека Гегеля включала герметические труды Агриппы, Бёме, Бруно и Парацельса. Он много читал о том, что касается месмеризма, психических феноменов, лозоходства, предсказания и колдовства. Он открыто демонстрировал свою связь с такими известными

окультистами как Франц фон Баадер. У него в историю мысли Гермес Трисмегист, Пико делла Мирандола, Роберт Фладд и Кнорр фон Розенрот входят наравне с Платоном, Галлилеем, Декартом и Ньютоном. Он неоднократно отмечал в своих лекциях, что слово «спекулятивный» тождественно слову «мистический». Он верил в «Дух Земли» и обсуждал со своими коллегами природу магии. Он связывал себя, неофициально, с «Герметическими» обществами, такими как Масоны и Розенкрейцеры. Даже гегелевские зарисовки были герметическими, как мы увидим в 3-ей главе, когда я буду рассматривать таинственную «диаграмму с треугольником».

В жизни Гегеля было четыре основных периода, во время которых он, как кажется, находился под сильным влиянием герметизма или активно проявлял интерес к нему. Во-первых, его отрочество в Штутгарте с 1770 по 1778 годы. Как я подробно покажу в главе 2, в это время Вюртемберг был главным центром интереса к герметизму, тесно связанного пиетистским движением, находившимся под влиянием учения Бёме и розенкрейцеровских идей (Вюртемберг был духовным центром розенкрейцеровского движения). Ведущие представители пиетизма, Бенгель и, отчасти, Ойтингер, находились под сильным влиянием немецкого мистицизма, теософии Бёме и Каббалы.

Большинство исследователей Гегеля не считали необходимым изучать интеллектуальную среду, в которой он находился в детские годы. Почти всегда Гегеля рассматривали исключительно в контексте немецкой философской традиции – как человека, связанного с Кантом, Фихте и Шеллингом. Нет нужды говорить, что влияние Канта, Фихте и Шеллинга действительно было очень важным, но оно не было единственным влиянием, которому бы подвержен Гегель. Отчасти то, что эти влияния были упущены или проигнорированы, объясняется тем, что лишь небольшое число исследователей разбираются в сложной религиозной жизни Германии XVIII века. Те же, кто разбирается, почти всегда не связаны с философией и почти всегда немцы. (Изучение немецкого пиетизма почти полностью является прерогативой немецкоговорящих исследователей.) В то же время, религиозная и интеллектуальная жизнь Вюртемберга, пожалуй, является наиболее очевидным местом, с которого стоило бы начать изучение интеллектуальных истоков Гегеля, характеризующих его идеи и цели.

Гегеля необходимо понимать в рамках теософической пиетистской традиции Вюртемберга – его нельзя рассматривать просто как оппонента Канта. На самом деле, как я утверждаю, Гегель *всегда* был критиком Канта просто потому, что он очень рано усвоил идею *пансофии*, которая была популярна в Вюртемберге, и ойтингеровский идеал «знания как Целого». Поэтому он не мог принять кантовский скептицизм, так же, как не мог этого сделать Шеллинг, по аналогичным причинам. Но поскольку они оба осознавали силу кантовских построений, то они много работали над тем, чтобы осуществить переход от его умозаключений к собственным идеям, чтобы любой ценой обойти его скептицизм во имя спекулятивного идеала их юности.

С 1793 по 1801 Гегель работал в качестве домашнего преподавателя, сначала в Берне, а затем во Франкфурте. Биограф Гегеля Карл Розенкранц называет этот период «теософской фазой» развития гегелевских идей. В это время он глубоко погружается в изучение работ Бёме, а также Экхарта и Йохана Таулера. Также в этот период времени Гегель оказывается вовлечён в масонские круги.

В Йене (1801-1807) Гегелевский интерес к теософии остаётся прежним. Он ссылается часто и одобрительно на Бёме и Бруно. Он подготавливает несколько текстов, дошедших до нас во фрагментарной форме, использующих герметический язык и символизм. Его лекции по философии природы в это время отражают его сохраняющийся интерес к алхимии. Весьма вероятно, что Шеллинг, который прибыл в Йену несколько раньше, представил Гегеля своему кругу друзей, в который входило большое число романтистов, весьма интересовавшихся герметизмом. Сам Шеллинг с интересом читал Бёме и Ойтингера и, скорее всего, подогрел интерес Гегеля к этой теме.

Последний «герметический» период жизни Гегеля – это время, когда он жил в Берлине, с 1818 до его смерти 14 ноября 1831 года. Это очень отличается от того, что некоторые могли ожидать. Можно было бы предположить, что гегелевский «герметизм» был не более, чем увлечением юности, которое «arch rationalist» отбросил прочь в процессе своего становления. Удивительно, но реальное положение вещей оказывается прямо противоположным. В Берлине Гегель сближается с Францем фон Баадером, крупнейшим оккультистом и мистиком того времени. Вместе они изучают труды Майстера Экхарта. В предисловии «Энциклопедии философских наук» редакции 1927 года он уделяет внимание фигурам Бёме и Баадера. Его переработанная редакция «Науки логики» 1832 года включает фрагмент, который Гегель переработал так, чтобы добавить в текст ссылку на Бёме. Его предисловие к «Философии права» редакции 1821 года включают алхимические и розенкрейцеровские образы. Его «Лекции по философии религии» 1831 года обнаруживают влияние мистика Иоахимма Флорского, так же, как и ряд отсылок к идеям Бёме. В совокупности всё это показывает, что в последний период своей жизни Гегель стал *больше* интересоваться герметической традицией и что он стал более явно соотносить себя с герметическими мыслителями и учениями.

Структура гегелевской философии следует образцу, характерному для работ мистиков и герметических философов. «Феноменология» соответствует первоначальной стадии «очищения», возвышения разума над уровнем чувственного и мирского, подготовку к восприятию мудрости. «Логика» эквивалентна герметическому «восхождению» к уровню чистых форм, к бесконечному, к «Мировому Разуму» (Абсолютной Идее). «Философия природы» описывает «эманацию» Мирового Разума в формы пространственно-временного мира. Её категории конституируют преобразование природы: мы начинаем видеть мир как отражение Мирового Разума. «Философия духа» относится к «возвращению» тварной природы к Божественному посредством человека, который может возвыситься над чисто естественным и «актуализировать» Бога в мире через конкретные жизненные формы (например, государство и религию) и через спекулятивную философию.

2. Академическое изучение Гегеля и герметической традиции

Ситуация не воспринималась иначе и сразу после смерти Гегеля. В 1840-х Шеллинг публично обвинил Гегеля в заимствовании значительной части его философии у Якоба Бёме. Один из учеников Гегеля, Фридрих Теодор Вишер, однажды спросил: «Неужели вы забыли, что новая философия появилась из школы старых мистиков, в особенности – Якоба Бёме?» Другой гегельянец, Ганс Мартенсен, автор одного из первых академических исследований Майстера Экхарта, заметил, что «немецкий мистицизм есть первая форма, в которой немецкая философия проявила себя в истории мысли» («философия» у гегельянцев

преимущественно обозначала философию Гегеля). Вильгельм Дильтей также отмечал связь между немецким мистицизмом и спекулятивной философией.

Пожалуй, самым известным исследованием герметических аспектов философии Гегеля в XIX веке была работа Фердинанда Христиана Бауэра «Христианский Гнозис» (1835). Работа Бауэра была одной из первых, в которых делается попытка определить гностицизм и указать различия между его формами. Термин «гностический» используется очень свободно даже в наше время, и очень часто то, что было бы более правильно назвать «герметическим», называется «гностическим» вместо этого. (Я буду обсуждать различия между этими терминами в следующем разделе.) После продолжительного обсуждения, связанного с античным гностицизмом, Бауэр замечает, что Бёме был современным гностиком, и что Шеллинг и Гегель могут рассматриваться как его интеллектуальные наследники, и, таким образом, как гностики. Работа «Христианский Гнозис», пожалуй, ближе всего среди напечатанного до сих пор подошла к тому, чтобы рассмотреть проблему о Гегеле и герметической традиции, хотя, как я уже сказал, Бауэр фокусируется на гностицизме, а не на герметизме. В 1853 Людвиг Ноак опубликовал двухтомную работу «Христианская мистика в эпоху Средневековья и Нового времени», в которой он рассматривает философов-идеалистов как представителей современного мистицизма.

Более поздние дискуссии о связи Гегеля с герметической традицией часто были связаны с такими же дискуссиями о Шеллинге. Одним из примеров этого является работа Эрнста Бенца «Мистические источники германской романтической философии», краткий, но весьма важный текст ведущего учёного в этой области исследований. В 1938 году немецкий учёный по имени Роберт Шнайдер опубликовал в Вюрцбурге книгу «Schellings und Hegels schwäbische Geistesahnen» («Швабский дух Шеллинга и Гегеля»). К сожалению, большинство копий книги Шнайдера были уничтожены в ходе бомбардировки союзниками Вюрцбурга 16 марта 1945 года. Шнайдер был уничтожен вместе с ними. Его книга является ценным исследованием теософского пиеизма, распространённого в Вюртемберге во времена молодости Гегеля и Шеллинга.

<.....>

Несмотря на всю эту исследовательскую активность, до этого издания никогда не существовало книги, которая систематически рассматривала бы Гегеля как герметического мыслителя, не только в плане его духовного становления, но и в зрелые годы.

Я считаю данную работу не только продолжением традиции исследования, которую я обрисовал выше, но также вкладом в современный проект создания истории идей, пионерами которого являются такие писатели, как Эрих Фёгелин, Фрэнсис Йейтс, Антуан Февр, Ричард Попкин, Аллан Дебус, Бетти Джо Титер Доббс, Пол Оскар Кристеллер, Д. П. Волкер, Стивен Мак-Найт и Элисон Кудер. Эти учёные утверждают, что герметизм оказал влияние на таких рационалистических мыслителей, как Бэкон, Декарт, Спиноза, Лейбниц и Ньютон, и до сих пор играет недооценённую роль в формировании центральных идей и амбиций современной философии и науки, в частности, современного проекта прогрессирующего научного исследования и технологического освоения природы.

Безусловно, является одной из больших ироний истории, что герметический идеал человека как мага, обладающего абсолютным знанием и богоподобной силой, чтобы привести мир к

совершенству, стал прообразом современного учёного. Как пишет Джеральд Хэнретти, «широкое использование магических и алхимических методов вдохновило новую веру в силы человека. В отличие от пассивной и созерцательной позиции, которая преобладала в более ранние века, алхимики и маги Ренессанса утверждали свою власть над всеми уровнями бытия». Герметизм заменяет любовь к мудрости стремлением к власти. Как мы увидим, система Гегеля представляет собой наивысшее выражение этой погони за превосходством.

3. Что такое герметизм?

Ответ на вопрос о том, можем ли мы рассматривать Гегеля как герметического мыслителя, напрямую зависит от того, как мы определяем герметизм. По правде говоря, герметизм трудно строго определить. Его приверженцы, как правило, имеют сходные интересы, называемые «оккультизмом» или «эзотеризмом» и определяемые, в основном, на основании внешнего сходства. В частности, моим аргументом в пользу отнесения Гегеля к герметической традиции является указание на сходство его интересов с той своеобразной смесью интересов, которая обыкновенно свойственна герметистам. Сюда относятся алхимия, Каббала, месмеризм, экстрасенсорное восприятие, спиритизм, биолокации, эсхатология, *prisca theologia*, *philosophia perennis*, луллизм, парацельсизм, йоахимизм, розенкрейцерство, масонство, экхартианский мистицизм, «соответствия» тайной системы символизма, витализм и «космическая симпатия».

Существует, однако, одна важная черта, на которую следует указать как на определяющую для герметизма. Эрнест Ли Тувесон в своей книге «Аватары Триждывеличайшего Гермеса» предположил, что герметизм занимает промежуточную позицию между пантеизмом и иудео-христианской концепцией Бога. Согласно традиционным иудео-христианским представлениям, Бог мыслится как нечто, бесконечно далёкое от сотворённого мира. Более того, такой Бог полностью самодостаточный, сотворение мира не являлось для Него обязательным, и Он ничего не потерял бы, если бы не создал его. Посему, акт творения в этом случае является совершенно безвозмездным и немотивированным. Бог творит исключительно из-за изобилия, а не из потребности. Это учение оказалось неудовлетворительным и даже тревожащим для многих, так как оно делает творение чем-то произвольным и даже абсурдным. Пантеизм, с другой стороны, так сильно включает божественное в творение, что всё становится Богом, даже грязь и иные неприятные стороны мира, что неизбежно ведёт к тому, что божественное теряет свою возвышенность. Таким образом, пантеизм также оказывается неудовлетворительным.

Герметизм оказывается срединной позицией, поскольку он *одновременно* утверждает трансцендентность Бога и его вовлечённость в мир. Бог метафизически отделён от мира, однако он также нуждается в своём творении, чтобы завершить Себя. Таким образом, акт творения становится не произвольным и бессмысленным, но необходимым и рациональным. Согласно этим строкам *Corpus Hermeticum* 4: «Если вы хотите заставить меня сказать что-либо ещё более смелое, то я скажу, что сущность [Бога] состоит в том, чтобы забеременеть всеми вещами, и в том, чтобы создать их. Поскольку невозможно, чтобы что-либо было создано без создателя, то невозможно и для этого создателя существовать всегда, если только он не всегда творит всё... Он сам и есть те вещи, которые есть, и те вещи, которые не есть». Согласно *Corpus Hermeticum* 10: «Деятельностью Бога является воля, и его сущность – воля, чтобы все вещи были». Наконец, согласно *Corpus Hermeticum* 14: «Всё сущее есть два,

то, что было порождено, и то, что порождает, и одно нельзя отделить от другого. Творец не может существовать без творения». Поэтому, согласно герметизму, Богу требуется творение, чтобы быть Богом. Эта идея герметической традиции также является ключевой идеей в философии Гегеля.

Но это ещё не всё. Герметисты не только полагают, что Богу требуется творение, они приписывают особому творению, человеку, критическую роль в самоактуализации Бога. Герметизм предполагает, что человек может познать Бога, и что человеческое познание Бога необходимо для полноты Бога. Согласно Corpus Hermeticum 10: «Бог не игнорирует человечество; напротив, он познаёт его и сам желает быть познанным им. Для человечества это единственное спасение, познание Бога. Это путь восхождения на Олимп». Corpus Hermeticum 11 спрашивает: «Кто более видим, чем Бог? Вот почему он создал все вещи: через них вы можете смотреть на Него». Как отмечает Гарт Фоуден, Бог получает от человечества узнавание: «Познание Бога Человеком – двусторонний процесс. Не только Человек желает познать Бога, но и Бог также желает быть познанным самым замечательным из своих творений, Человеком». Коротко говоря, функция человека состоит в познании Бога (или в «божественной мудрости», теософии). Поступая так, человек реализует потребность Бога быть познанным. Человеческое познание Бога становится знанием Бога о самом себе. Иначе говоря, причина, по которой был сотворён космос, это потребность в самопознании, достигаемом через узнавание другим. Варианты этой концепции обнаруживаются повсюду в герметической традиции.

Важно понять значение этой концепции в истории мысли. Согласно обычному иудео-христианскому взгляду на творение, создание мира и приказ Бога человечеству познавать и любить его кажется совершенно произвольным, потому что нет никакой причины, по которой совершенное существо хотело бы или нуждалось в чём-нибудь. Большое преимущество герметической концепции состоит в том, что она объясняет значение мира и человеческого желания познать Бога.

Эта герметическая доктрина о «круговом» отношении между Богом и творением и о необходимости человека для полноты Бога совершенно оригинальна. Мы не найдём её в предшествующей философии. Однако она появляется снова и снова в трудах герметистов, и это главное доктринальное сходство между герметизмом и учением Гегеля.

Гегеля часто описывают как мистика. В самом деле, даже он характеризовал себя таким образом. Но мистицизм – это очень широкий концепт, который включает множество радикально различных идей. Все формы мистицизма определяют свою цель как познание, опыт или соединение с божественным. Если мы поставим вопрос о том, какого рода мистиком был Гегель, то ответ состоит в том, что он был герметистом. Герметизм часто путают с другой формой мистицизма, гностицизмом (в том числе, в академических исследованиях творчества Гегеля). И гностицизм, и герметизм верит в то, что в человеке заключена божественная «искра» и что человек может достичь познания Бога. Однако гностицизм связан с принципиально негативным отношением к бытию. Он не признаёт творение ни частью божественного бытия, ни «завершением» Бога. Кроме того, Гностицизм не верит в то, что Богу необходимо, чтобы человек познавал Его. Герметизм также часто путают с неоплатонизмом. Подобно герметистам, Плотин предполагал, что космос есть круговой процесс эманации из и возвращения к Единому. В отличие от герметистов, однако,

Плотин не предполагал, что Бог завершается с помощью человеческого познания. (Правда, позднее неоплатонизм Прокла и ренессансный платонизм претерпели серьёзное влияние герметизма).

Другая параллель между Гегелем и герметической традицией состоит в процессе инициации, с помощью которой интуитивная часть интеллекта вырабатывает навык видеть Разумность, существующую в мире. Как замечает Фоуден, герметическая инициация состоит из двух частей, одна из которых состоит в самопознании, а вторая – в познании Бога. Легко можно показать, даже на чисто теоретическом уровне, что обе они тесным образом взаимосвязаны. Знать что-то о себе означает познать условия своего существования, а это предполагает разговор о Боге. Как выразил это Пико делла Мирандола, «тот, который познаёт самого себя, познаёт в самом себе все вещи». Также для Ближнего Востока было достаточно типичным изображать Бога находящимся в некоем странном состоянии между трансцендентностью и имманентностью. Достижение просвещения связано с тем, что, увидев божественное в себе, человек становится божественным.

Мы, в действительности, почти ничего не знаем о культе Гермеса, который использовал герметические тексты в качестве священного писания. Мы знаем мало или вовсе ничего об их ритуалах инициации или о том, как они жили. Мы можем, однако, утверждать, что герметическая инициация существенно отличалась от той, которая практиковалась, например, в Элевсине. Правда, так получилось, что и об Элевсине мы знаем весьма немного, но кажется, что инициация там состояла в переживании какого-то поразительного опыта, который навсегда изменял инициата. Мы в точности не знаем, что это был за опыт, но нам известно, что приобщиться к нему мог старый и молодой, бедный и богатый, образованный и необразованный. В случае с герметической традицией всё совсем по-другому. Спасение, по мнению герметистов, как мы видели выше, достигалось через гнозис, через понимание. Его можно было достичь только через тяжёлую работу, и достичь его могли лишь некоторые. В *Corpus Hermeticum* 16 Гермесу приписывается утверждение, что его учение «хранит смысл своих слов запечатанным», сокрытым от понимания недостойными.

Просвещение для авторов Герметики и для Гегеля не было чисто интеллектуальным феноменом, предполагалось, что оно полностью изменит жизнь просвещённого. Философия для Гегеля была учением о жизни. Вкратце, человек, который достиг *Selbstbewusstsein*, это тот, кто стал *selbstbewusst*: уверенным, самоактуализировавшимся, уже более не обычным человеком. Клаус Фондунг пишет, что «герметисту не требуется сбегать от мира, чтобы спасти себя, он хочет получить знания этого мира для того, чтобы распространить своё Я и использовать это знание для того, чтобы проникнуть в сущность Бога». Герметизм – это позитивный Гнозис, так сказать, посвящённый миру. Знать всё означает, в некотором смысле, иметь контроль надо всем. Это то, что я называю идеалом человека как мага, и то, что уникально для герметизма. Посмотрите, например, *Corpus Hermeticum* 4: «Все те, кто вняли провозглашённому и погрузились в разум [nous] приобщились к знанию и стали совершенными [или «завершёнными», teleioi] людьми, потому что они приобрели разум. А те, которые пропустили момент провозглашения – это люди рассудка [или «слова», logikon] потому что они не получили [дар] разума и не знают ни целей, ни методов приобщения к уму». Иными словами, люди полного самопонимания, которые знают даже о том «с какой целью и с помощью каких средств они появились», являются совершенными людьми. Если Гегель не верил, что человек в буквальном смысле может стать Богом, то он, конечно, верил

в то, что мудрец является существом даймоническим: большим-чем-простым-смертные участником божественной жизни.

В Corpus Hermeticum мы находим некую срединную позицию между египетским оккультизмом и герметизмом Нового времени, представленным у Гегеля и других авторов. Вместо того чтобы представлять слова как обладающие непосредственной магической силой, их стали рассматривать как носитель чего-то, что может усилить существование. Идеалом герметической философии стало создание «целостной речи» (τελειος λογος, «совершенного дискурса» или, возможно, «энциклопедического дискурса», что, конечно, означает «круговой» дискурс). Будучи достигнутой, эта «завершённая речь» (τελειος λογος), содержащая в себе всю реальность, полностью изменит жизнь просвещённого. <.....>

Подводя итоги, можно сказать, что основные идеи герметизма, являющиеся основанием герметической традиции, таковы:

1. Богу нужно творение, чтобы быть Богом.
2. Бог в некотором смысле «завершается» (дополняется) через созерцание Его человеком.
3. Человеку доступно просвещение («иллюминация»), означающее схватывание всей реальности с помощью целостной, энциклопедической речи (τελειος λογος).
4. Человек может усовершенствовать себя через гнозис: он становится могущественным через обладание целостной речью (τελειος λογος).
5. Человек может познать аспекты или «моменты» Бога.
6. Первоначальная стадия очищения, на которой инициат очищается от ложных интеллектуальных позиций, необходима перед получением истинного учения.
7. Вселенная есть внутренне связанное целое, проникнутое космическими энергиями.

Чтобы прояснить параллели между этими пунктами и учением Гегеля, я привожу краткий обзор того, что будет подробно рассмотрено в этой книге.

1. Гегелевская идея о том, что Бог нуждается в творении, является центральной идеей его Философии Природы. Природа – это один из «моментов» бытия Бога.
2. Гегель считает, что Бог, в некотором смысле, завершается или актуализируется через интеллектуальную активность человечества: «Философия» является заключительным этапом в актуализации Абсолютного Духа. Гегель проводит «круговые» (циклические) представления о Боге и о космосе, о которых я говорил раньше, согласно которым Бог «возвращается к Себе» и действительно становится Богом только через человека.
3. Философия Гегеля энциклопедична: он нацелен на то, чтобы завершить философию путём охвата всей реальности в своих завершённых, круговых высказываниях.
4. Гегель считает, что мы можем возвыситься над природой и стать хозяевами своей судьбы через глубокий гнозис, порождаемый его системой.
5. Логика Гегеля является попыткой познать аспекты или «моменты» Бога как системы идей. В знаменитом пассаже из «Науки Логики» Гегель утверждает, что Логика «должна быть понимаема как система чистого разума, как царство чистой мысли. Это царство суть истина как она есть, без вуали, в своей собственной абсолютной

- природе. Можно сказать, таким образом, что её содержание состоит в экспозиции Бога как Он есть до сотворения природы и конечного Духа.
6. Гегелевская Феноменология Духа представляет собой начальную стадию очищения, в которой будущий философ освобождается от ложных интеллектуальных установок, чтобы стать способным воспринять истинную доктрину Абсолютного Знания (Логика-Природа-Дух).
 7. Гегелевский взгляд на природу отвергает философию механицизма. Он поддерживает идею о том, что последователи Брэдли позднее назвали учением о «внутренних отношениях» в оппозицию типичному современному механистическому пониманию вещей через систему «внешних связей».